

Глава 1

РЕН

— Итак, я придумала тему, — из размышлений меня выдергивает голос лучшей подруги.

— Тему для чего? — спрашиваю я.

Оукли сидит напротив в моей гостиной, листая телефон и бездумно набивая рот попкорном. Она бросает такой взгляд, будто я задала тупейший вопрос.

— Ну, тема для вечеринки на мое тридцатилетие, какая еще?

Я вскидываю брови в ответ на ее игривый тон:

— Дай угадаю... «Кошмар перед Рождеством»?

— Ага, красный парик и все такое.

Я молчу в ожидании ее смеха, но его нет. Улыбка сползает с моего лица, и я поворачиваюсь к ней всем корпусом:

— погоди, ты ведь понимаешь, что я шучу, так?

В ответ она лишь лукаво улыбается, искорка мелькает в ее шоколадно-карих глазах.

— Иногда ты меня пугаешь, — говорю я, передергивая плечами.

— И все же ты будешь скучать по мне, когда я уеду.

Мы устроили себе редкий — ладно, не столь уж и редкий — вечер дома, запасшись бесконечными вкусняшками,

безалкогольным пивом и на несколько часов залипнув на Алана Ритчсона.

— Эй, а как насчет осенней темы, раз уж это конец октября? — спрашиваю я, пока Ричсон на экране расправляется сразу с шестью противниками.

Я наблюдаю, как она серьезно обдумывает это. Осенняя тема позволит Оукли сохранить некоторые жутковатые мотивы «Кошмара перед Рождеством» и одновременно продемонстрировать элегантность, таинственность и красоту этого сезона: теплые цвета, легкий холодок, тыквы и свежее пахнущие листья. Именно это делает осень моим любимым временем года.

Через минуту она кивает с улыбкой на загорелом лице.

— Осенняя тематика на самом деле звучит идеально. Оставляет простор для интерпретаций. Мы бы могли найти искусственные листья и золотые столовые приборы.

— А мы можем позволить себе золотые приборы? — Я прыскаю.

— Черт возьми, нет, но мы можем позволить себе те, с золотым напылением от «Таргет».

— Практически то же самое, верно?

— Именно.

Остаток нашего вечера проходит примерно так же: смех и любование Аланом Ритчсоном, пока глаза не начинают слезиться от света экрана телевизора.

Мы с Оукли дружим еще со школы, когда наш учитель химии, мистер Ларсон, решил, что это хорошая идея — посадить нас рядом на первом уроке второго года старшей школы. Весь этот год он страдал от ужасных экспериментов и едва сдерживаемого смеха, но все же так и не рассадил нас. Думаю, он ошибочно предположил, будто смеялись мы потому, что наслаждались уроками.

Около полуночи Оукли решает, что, вероятно, было бы неплохо пойти домой и уделить немного внимания своему

коту Олли, так что она прихватывает половину закусок, обнимает и целует меня, желая спокойной ночи.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь закрыть за ней дверь, Оукли замирает во дворе:

— О боже, я почти забыла!

Она не двигается с места, стоя в конце маленького двора, тянется к телефону и лихорадочно что-то печатает, ее карие глаза широко распахнуты от волнения.

Мой телефон звонит в кармане, когда она убирает свой, доставая ключи от своего красного «Фиата-500». Я проверяю телефон и вижу, что она прислала мне ссылку на сайт той фермы, что расположена в Иглвуде, за два города отсюда.

— Это что?

— Моя двоюродная сестра заказала кучу тыкв к той своей прошлогодней вечеринке на Хеллоуин и очень хвалила их. Сказала, что владелец немного странный, но в остальном всё очень хорошего качества.

Я блокирую телефон и сую его обратно в карман.

— Потрясающе. Я посмотрю ссылку завтра и подумаю. Может, даже заскочу туда. Будет с чего начать подготовку.

Оукли одаривает меня сочувствующей улыбкой:

— Я очень ценю то, что ты делаешь это для меня, Ренни. Надеюсь, ты это знаешь. Прошу, не думай, будто я пригласила тебя только потому, что ты чертовски крутой организатор. Тот факт, что ты — моя лучшая подруга и знаешь меня лучше, чем я себя, просто бонус.

Мы обмениваемся такими улыбками, которые приходят лишь после многолетней дружбы, прежде чем я посылаю ей воздушный поцелуй и возвращаюсь в дом. Я смотрю в окно до тех пор, пока ее машина не проезжает мимо, и успокаиваюсь, убедившись, что она благополучно направляется домой.

Теперь, когда я одна, я позволяю улыбке исчезнуть, а тревогам — всплыть на поверхность. Разрешаю морщинам, которые, наверное, уже начинают намечаться в моем почтенном двадцатидевятилетнем возрасте, проявиться на гладкой смуглой коже лба.

Я знала, что уходить с моей старой работы в стоматологии было рискованно. И все же дела в моем предприятии по организации вечеринок «Прирожденный праздник» шли в гору. Было практически невозможно совмещать две работы на полную ставку, поэтому я уволилась. Я рискнула и окунулась в неизвестность, заключающуюся в том, чтобы полностью посвятить себя собственному бизнесу. Однако последние пару месяцев заказов почти не было.

В глубине души я понимаю, что все объясняется географией. Я выжала из Бекфорда все соки, и теперь мне нечего тут делать как в личном, так и в профессиональном плане. Бекфорд не самый маленький из пяти городов, окружающих озеро Карлоу, но он достаточно мал, чтобы ему не нужен был организатор вечеринок, ведь в любой момент можно арендовать зал в мэрии. Когда я начинала, заявить о себе мне помогала шумиха вокруг того, что вот есть кто-то, кто поможет организовать «лучшую вечеринку, какую когда-либо видел город», но теперь люди понимают, что по окончании мероприятия им все равно придется платить мне. И все же я остаюсь здесь, привязанная к этому дому воспоминаниями, накопленными в нем. Расторжение помолвки не помогло, поскольку все в городе знают про нас с Адамом, но это было временное, хотя и сильно подорвавшее самооценку, препятствие.

Впрочем, все в порядке. Затишье никогда не бывает вечным. По крайней мере, так всегда говорит мне мой отец. Упадок бизнеса и неудачные отношения — это не то, что заставит Рен Саутвик сдаться! Все наладится, особенно

при таком шансе, что дает мне Оукли. Вместо того чтобы предаваться жалости к себе, я планирую использовать ее вечеринку как возможность для ребрендинга, шанс вызвать улыбку на лице лучшей подруги и вновь прославить свое имя.

Поскольку сон, кажется, намерен меня избегать, я сажусь за барную стойку и открываю ноутбук. Я полна решимости и обновленного взгляда на все — и, возможно, сахара из вкусняшек, — так что ничто не в силах меня утомить как минимум в течение следующего часа.

Оукли — воплощение экстраверта, так что список ее гостей будет длинным. Мне понадобится большое помещение для мероприятия, а значит, мэрия тут не подойдет. Мне нужно что-то новое, с потенциалом.

Я открываю ссылку, которую бросила мне Оукли.

Это уютная ферма с удивительно большим земельным участком. Несмотря на то что фото, судя по всему, были сделаны в лучах летнего солнца, всё вокруг все же окрашено в осенние тона, вдалеке разбросаны тюки сена, а в центре всего этого — деревенский красно-синий сарай, которому не помешало бы немного заботы.

Мое внимание привлекает фото трех мужчин. Трех невероятно интересных мужчин, каждый из которых улыбается так, будто нет у него никаких забот. Я понимаю, почему кузина Оукли выбрала это место. Все трое парней выглядят совершенно по-разному, и все же можно ручаться, что они родственники. Один и тот же намек на озорство в улыбках, один и тот же беззаботный блеск глаз, за исключением парня с краю. Есть в нем что-то непонятное. Что-то в легком изгибе губ подсказывает, что он не так искренен, как его родственники. Что-то в том, как его свободная рука сжата в кулак у бедра, как будто что-то в этой ситуации вызывает в нем желание, чтоб она прекратилась так же быстро, как и возникла.

Он, несомненно, самый симпатичный из всех троих, с песочно-каштановыми волосами, которые на солнце кажутся карамельными, с карими глазами, которые блестят мягче, чем у его спутников, и в простой клетчатой рубашке, обтягивающей его так, что сразу становится понятно: под ней скрыто гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Этот мужчина высок, достаточно хорошо сложен, чтоб, даже не вспотев, поднять над головой самую большую свою тыкву. Ткань легко подчеркивает широкие, впечатляющие плечи, придавая ему внушительный вид, даже через экран я ощущаю это.

Я выбрасываю из головы все мысли, строго напоминая себе, что после расставания со своим бывшим, изменившим мне менее полугода назад, последнее, что мне нужно, — это другой мужчина.

Я прощелкиваю меню до пункта «О нашей ферме»: «Ферма “Золотой лист” была основана братьями Финч в далеком 1941 году. Их предприятие началось всего с акра земли и горстки тыквенных семян — деятельной попытки помочь своим товарищам-солдатам во время войны. Теперь — благодаря усилиям трех поколений Финчей, включая трех правнуков Эдварда Финча: Сэмюэля, Себастьяна и Огаста, — “Золотой лист” с гордостью владеет тремя акрами первоклассной земли, предназначенной в основном для выращивания тыкв, кукурузы, а также содержания группы спасенных животных. “Золотой лист” с радостью обеспечит вас тыквами для всего необходимого, будь то тыквы, чтобы вырезать рожицы на Хеллоуин или приготовить старый добрый тыквенный пирог, здесь, на ферме, для каждого найдется что-нибудь по душе».

— Этот похож на Огаста, — размышляю я вслух, заметив еще одно фото троих братьев, стоящих вокруг мужчины лет семидесяти-восемидесяти на вид. Первые двое, которых я уже видела, пригнулись так, что находятся

на одном уровне с сидящим пожилым мужчиной, но последний, которого, как я предполагаю, зовут Огаст, остался стоять, более не утруждая себя попытками скрыть недовольство, и теперь он едва улыбается.

Я проверяю информацию о ферме и вижу, что завтра они работают с восьми до пяти, идеально. Отправляю Оукли сообщение, что побываю там завтра, и она отвечает через пять минут, что хотела бы тоже поехать.

Коротко изучив потенциальные места проведения вечеринок в других городах, я, зевая, захопываю ноутбук и отправляюсь наверх, в постель. Вскоре я почти тону в толстом зимнем одеяле и чувствую, что засыпаю. В груди у меня трепещет азарт от того, что я вновь возвращаюсь к планированию.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

